

Глава первая

Риз

На перегоне между Пэйнтед-Рок и Хила-Бенд есть одно удобное местечко, где мы и планируем устроить засаду на поезд.

Диас и Хоббс, обливаясь потом и чертыхаясь под зимним солнцем, что ярко светит над Территорией¹, склонились над рельсами. Они заняты выдергиванием из шпалы очередного костыля. Хоббс что-то грубо рывкнул, Диас ответил непристойным жестом. Кроме их перепалки и звона инструментов о металл ничто не нарушает оглушающей тишины утра. Не слышно ни песенки кактусового крапивника, ни порывов ветра, ни далекого гудка приближающегося паровоза.

Совсем не так, не за ограблением поезда рассчитывал я встретить свое восемнадцатилетие, но за три года скитаний с этой компанией научился не загадывать на будущее и быть готовым ко всему.

Босс сверяется с карманными часами и молча сует их обратно. Значит, пока все идет по графику.

— Ну что, Мерфи?

— Пока ничего, Босс.

---

¹ Территория — имеется в виду Территория Аризона, образование, существовавшее в составе США с 1863 по 1912 год, впоследствии — штат Аризона. Столицей был город Прескотт. — *Здесь и далее прим. пер.*

Все утро я провел в седле бок о бок с Боссом, всматриваясь в горизонт в его бинокль. Поезд должен прибыть в Хила-Бенд в четверть первого, значит, сюда он дотащится как раз к полудню. По нашим сведениям, на нем перевозят кучу денег для банка в Таксоне: зарплату и общественные средства, перечисленные в связи с приближением Нового года. Впрочем, детали нас не интересуют. У Босса есть осведомитель, который нас до сих пор не подводил, кроме одного случая несколько месяцев назад, закончившегося перестрелкой. Так что, когда мы услыхали, что деньги в дороге и могут оказаться в наших карманах еще до захода солнца, к тому же за три дня до наступления 1887 года, пустились в путь.

— Как там Кроуфорд?

Я смотрю на восток. Вдали река Хила прорезает сухую прерию Аризоны, за ней на невысоком холме пасется большое стадо. Остальные наши — Кроуфорд, Баррера, Де Сото и Джонс — сейчас прячутся среди быков. Когда поезд покажется на горизонте, Кроуфорд и другие погонят стадо в нашу сторону, пока скотина в панике не сгрудится на рельсах. Если все пойдет как надо, будет неважно, сумеют Хоббс и Диас справиться с рельсом или нет. Кондуктор, завидев стадо, крикнет машинисту, чтобы тот затормозил. Прежде чем осядет пыль, мы окажемся в вагонах и застанем всех врасплох. Но если стадо окажется упрямым и загнать его на рельсы в нужный момент не удастся, то разобраный путь — не самый плохой способ остановить локомотив. Мы уже такое проделывали.

— Пока ничего, — говорю я. На пятнистом склоне холма видны только коричневые шкуры да тускло-зеленый кустарник. Когда Кроуфорд будет готов, он должен вывернуть наизнанку свою куртку с красной подкладкой.

— Дай-ка взглянуть, — говорит Босс, протягивая руку. Я возвращаю ему бинокль и наблюдаю, как он рассматривает стадо. Его брови нахмурены, выражение лица суровое и сосредоточенное. Он всегда так выглядит. Я три года скачу бок о бок с ним, и лишь пару раз видел, как он смеется.

— Ошибся? — спрашиваю я, когда он возвращает бинокль.

— Нет, все верно, но босс на то и босс, чтобы проверять.

Я невольно напрягаюсь, затем разочарованно вздыхаю. Не знаю, как можно кем-то восхищаться и ненавидеть одновременно, но так уж я отношусь к Лютеру Роузу. А как иначе? Чего стоит шрам, который он оставил на моем предплечье — клеймо в форме недорисованной розы на вздувшейся побагровевшей коже. Или то, что его люди сотворили с Ллойдами в тот день, когда уволокли меня в свою шайку. И вообще всё то дерьмо, которое Босс оставляет за собой без капли сожаления или раскаяния, впрочем, как и остальные «Всадники розы». И все же, это теперь моя жизнь, никуда не денешься. Я здесь, потому что у меня есть то, что нужно Боссу. И останусь пленником, пока он это не получит. А если притворюсь одним из них и Босс будет мною доволен, то, может, и выживу.

Лютер Роуз, такой же жестокий и безжалостный, как его сводный братец Уэйлан, можно сказать, унаследовал «Всадников розы». Только при Уэйлане они грабили дилижансы, а не поезда. Из местных никто и не знал, что у Уэйлана есть брат, — шайка держала это в секрете. Уэйлан не хотел конкуренции и, поскольку они с Лютером не очень-то походили друг на друга — у них разные матери, — требовал, чтобы тот лез под пули, как и любой другой. А вот когда Уэйлан отправился напрямик в ад, Лютер объявил, кем приходится ему на самом деле. И нагнал на всех страху. Теперь людей бросает в дрожь от одного имени Лютера Роуза — как десять лет назад от упоминания Уэйлана. Банда наводит ужас, как и прежде.

Черт побери, я боялся их с самого детства, еще когда жил в Эренберге с пьяницей, которого называл отцом. И чуть не помер со страху, когда они ворвались в мою жизнь три года назад. Я и сейчас на взводе почти каждый день, фокус состоит в том, чтобы не показывать этого. Стоит лишь раз проявить слабость перед такими людьми, и они сожрут тебя живьем.

Полуденную тишину нарушает пронзительный свисток паровоза.

— Теперь скоро, Мерфи, — говорит мне Босс.

Столбик темного дыма показался на горизонте.

— Скоро.

Я ищу глазами Кроуфорда и замечаю что-то вроде красного пятна, затем раздаются хлопки выстрелов. Стадо медленно снимается с места.

Диас, наконец, вытащил последний костыль, и теперь они с Хоббсом бьются с рельсом — дергают

его, пытаюсь сдвинуть с места, что в итоге им удастся. Парни садятся в седло, и вот они уже позади нас с Боссом. Скотина бежит врассыпную, и Кроуфорд с напарниками крутятся вокруг, собирая стадо и направляя его в нашу сторону, к железной дороге. Моя кобыла, Девочка, напугана. Ей не по душе поезда, и теперь она нервно переступает подомной. Я крепко сжимаю бока лошади ногами, стараясь сдержать и успокоить ее. Будь моя воля, я бы дождался в укрытии, пока стадо выбежит на пути, и внезапно выскочил, когда локомотив затормозит перед животными. Но Босс застыл в седле, словно памятник — даже не мигает, — и мне остается терпеть и ждать. Поезд несется в нашу сторону, как пуля, выпущенная из ствола верной рукой, — пока это лишь черное пятно на горизонте. Он и не думает тормозить, но и скотина не замедляет ход, а мчится вперед, вздымая облако пыли, которое накрывает пути и летит навстречу поезду. Кроуфорд и его помощники держатся позади, к северу от дороги.

Машинист дает протяжный гудок.

— Босс? — предупреждающе кричит Диас.

Роуз лишь поднимает руку. Когда мне кажется, что катастрофа неминуема, кондуктор жмет на тормоз. Перестук колес срывается в визг и скрежет. Этот звук киркой врубается мне в затылок. Я закрываю рот и нос шейным платком, но все же чувствую запах раскаленной стали и угольного дыма.

Добрые полминуты раскаленный воздух наполняют пыль да оглушительный скрип тормозов. Летят искры. Паровоз в последний раз вздыхает

и останавливается. Стадо мчится на юг, унося за собой пыльное облако. Я смахиваю пыль и копоть с ресниц и бровей. Немного впереди в зыбком горячем воздухе высится темная махина локомотива. Он остановился всего в нескольких ярдах от вывернутого рельса.

Между вагонами мелькает чья-то фигура. Человек высовывается из-за паровоза, машет светлым платком, пытаюсь рассмотреть, освободила ли скотина пути.

Босс достает пистолет.

У бедняги нет никаких шансов, он не успевает даже вскрикнуть. В тот момент, когда он замечает нас и его глаза расширяются от испуга, Босс спускает курок. Голова жертвы дергается, тело падает рядом с рельсами.

— Пошевеливайтесь! — командует Босс.

Мы достаем кольты, надвигаем шляпы пониже, чтобы между полями и шейным платком были видны лишь глаза, и бросаемся на штурм поезда.

Глава вторая

Шарлотта

Я не первый раз еду в комфортном пассажирском вагоне поезда Южно-Тихоокеанской железной дороги, но когда он внезапно останавливается и снаружи раздаются выстрелы, начинаю опасаться, что путешествие станет последним. Видит бог, неожиданная остановка поезда между станциями не может произойти по доброй причине.

— Сэр! — говорю я, толкая спящего на соседнем сиденье шерифа, но он не шевелится.

Из Юмы поезд идет на северо-восток вдоль реки Хила, бегущей к Таксону по выжженным солнцем прериям. Но если бы я знала, что шериф намерен проспать всю поездку, попросила бы себе место у окна — с моего, поодаль, сколько ни всматривайся в закопченное грязное стекло, видно только голый склон холма и ленту реки вдали.

Всё это — из-за желания увидеть в газете очерк, подписанный моим именем!

«Твой отец вложил небольшую сумму в строительство Прескоттской железной дороги, — сообщила мне мать, отправляясь вчера в столицу. — Он хотел бы, чтобы я присутствовала при укладке последнего рельса и, наверное, даже сказала несколько слов от